

служил троицкий Синодик, в котором записано, как царь Иван IV Грозный, придя в лавру после убийства сына, «учал... плакати и рыдати».³⁹

Следование той же троицкой традиции можно усмотреть и в желании автора чуда прославить Троице-Сергиев монастырь и его основателя-чудотворца, подчеркнуть особую роль лавры. Рассказчик, которого слышал Гавриил тверитин, убежденно повествует о чуде с колоколами, проявляя при этом знание монастырского быта и толк в степенном изложении как существа царского указа, так и всех событий.

О пребывании Петра I в Троице-Сергиевом монастыре создано было немало легенд, происхождения которых до сих пор не изучено. По одной из них Петр I охотился на уток, целясь с Красной башни, отчего она будто бы и стала называться Уточьей, или Утичьей; по другой Петру приписывалось изготовление костяного яблока под паникадиллом церкви Сергия при Трапезной; долгое время связывалась с Петром I художественная резьба деревянного заалтарного герба — двуглавого орла — для Успенского собора; в более поздние времена даже пытались связывать название Пафнутаева сада у стен монастыря с царем Петром I.⁴⁰ Все это показывает, что подобное мифотворчество о Петре I было широко распространено в Троице-Сергиевом монастыре, и к этой же традиции восходит сообщение о приходе царя Петра в лавру на поклон Сергию в чуде с колоколами.

Итак, чудо с колоколами может быть включено в круг памятников, связанных с Северной войной. Самые ранние свидетельства о связи лавры с событиями этой войны до сих пор приурочивались к 1703 г. (судя по резной надписи на серебряном окладе иконы «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» письма Евстафия Головкина, 1588 г., о посылке этого «чудотворного образа» в военный поход в 1703 г.),⁴¹ а самые поздние — лепные медальоны на плафонах Чертогов, работы М. Зимина, — к 1744 г.⁴²

По всей вероятности, чудо было сочинено и записано задолго до блестящей победы русских войск под Полтавой, т. е. действительно в самом начале Северной войны, когда первые неудачи повлекли за собой спешные хлопоты по воссозданию любыми средствами отечественной артиллерии, когда не был ясен еще затяжной характер войны и перспективы ее развития. Сочинение чудес о колоколах, не пожелавших вылиться в пушки, мало вероятно после первых побед русских войск, — под Нарвой в 1704 г. или под Полтавой в 1709 г.

Таким образом, место и время создания чуда уточняются довольно определенно: Троице-Сергиев монастырь (авторская среда — кто-то из рядовых монахов или из ремесленников), 1701 год.

Итак, перед нами типичный образец традиционного жанра «чудес», восходящего к реальным, хотя и трансформированным в литературном изложении событиям. Он отвечает правилам канона: содержит три попытки снять колокола, покаяние повинного царя, прославление чудо-

³⁹ Синодик Троице-Сергиевой лавры 1575 г. в копии 1680 г. (Загорский музей, инв. № 322), л. 3.

⁴⁰ См.: А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры. стр. 23, 25, 30, 33.

⁴¹ См.: Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры, стр. 5. В «Военно-походном журнале» Б. П. Шереметева отправление этой иконы «для моления и в заступление» приурочено еще к 1701 г. Ср.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. I. Под ред. А. Ф. Бычкова, СПб., 1871, табл. 59.

⁴² См.: И. И. Багаева. Скульптурный декор середины XVIII в. в интерьерах Чертогов. — Сообщения Загорск. гос. истор.-худож. музея-заповедника, вып. 3, Загорск. 1960, стр. 130—144, табл. 53—64.